

А.В. ХРЯКОВ

НЕМЕЦКИЕ ИСТОРИКИ НА СТРАЖЕ «ГРАНИЦ ИСТОРИИ» несостоявшийся диалог с исторической беллетристикой

Статья посвящена рассмотрению противостояния профессионального сообщества немецких историков и одного из наиболее популярных исторических беллетристов первой половины XX века – Эмиля Людвига. Демонстрируется как устоявшиеся нормы профессионального сообщества в новых исторических условиях «кризиса историзма» предопределили поведение ученых-историков. Анализируется специальный номер «Исторического журнала» целиком посвященный диффамации популярной исторической биографии и писателей-беллетристов. Автор считает, что профессиональные историки в конкурентной борьбе за монополию на интерпретацию немецкой истории упустили прекрасный шанс вернуть к себе внимание массового читателя и начать разговор о назревших теоретико-методологических переменах.

Ключевые слова: Эмиль Людвиг, «Исторический журнал», историческая беллетристика, Веймарская республика, историческое сообщество, кризис историзма

Развитие в последние годы книгопечатного рынка, появление новых средств массовой информации, а также стремительный рост сетевых платформ обострили традиционную для науки в целом и историков в частности проблему взаимоотношения профессиональных ученых и читающей публики. В борьбе за читателя академическая наука оказалась в невиданной прежде конкурентной ситуации. Буквально на наших глазах происходит плюрализация памяти – все большее количество групп общества претендуют на собственную историю. Это привело к самому значительному за последние годы расширению того что можно считать «историей». Открыты не только новые темы, но также новые формы исследования, обработки материала и способы репрезентации. Возросшая потребность в историческом понимании настоящего, очевидно, находит широкий отклик в популярных исторических форматах, и современные авторы исторического нон-фикшн лучше всех использовали возможности цифровизации и глобализации знаний, участвуя в удовлетворении интенсивного интереса к прошлому и претендуя на формирование новой культурной памяти¹.

Глобальные политические, социально-экономические и культурные процессы сыграли значительную роль в этом расширении и привели к медленному, но верному вытеснению традиционной национально-государственнической парадигмы, в рамках которой с начала XIX века развивались профессиональные исторические исследования. Запросы на формирование новых идентичностей сегодня поставили под сомнение исключительное право академического сообщества на работу с прошлым. Хотя необходимо признать, что, несмотря, на рост в послед-

¹ Буллер, Линченко 2021.

нее время напряженности в отношениях между профессионалами и дилетантами сама проблема не является новой и существует с того самого момента как занятие историей стало считаться наукой. Это напряжение сформировало и продолжает формировать нормы поведения историков, регламентирующих их взаимоотношения внутри собственного сообщества, а также определяющих их позицию по отношению ко всем не включенным в него². Сегодня в условиях вызова со стороны непрофессиональных авторов будет любопытно взглянуть на первые примеры подобного противостояния. Это позволит нам понять, каким образом внутренние принципы организации научного сообщества определяют не только форму взаимоотношения (границы истории), но и содержание производимого знания. Представляется, что лучше всего это сделать, обратившись к немецким историкам, которые согласно общепризнанному мнению являлись в прошлом лидерами в формировании академического профессионального сообщества.

Действительно, борьба и противостояние составляли неотъемлемую часть существования немецкой историографии. В первой половине XIX в., борясь за свои права в качестве самостоятельной университетской дисциплины, история провозгласила свою автономию по отношению к филологии и теологии, а чуть позже – философии истории³. Но даже с осуществлением формальной институализации этот процесс размежевания не прекратился. Уже в первом выпуске «Исторического журнала» – центрального печатного органа историков Германии, вышедшего в 1859 г., – выдающийся медиевист Георг Вайц (1813–1886) заявил, что «история, как ни одна другая наука, страдает от дилетантизма»⁴. Собственно понятие «дилетант», восходит к XVIII в. и является отражением просветительского мировоззрения, с его преклонением перед фигурой «гения»⁵. Представления о дилетантизме и необходимости противостояния ему довольно рано стали неотъемлемой частью профессионального исторического дискурса. Среди «ложных направлений» исторической науки знаменитый ученик Ранке на первое место поставил дилетантов от истории, объединившихся вокруг «провинциальных исторических объединений» (Vereine). По его мнению, они, несмотря на свою полезную источниковедческую деятельность, были неспособны подняться на уровень тех научных проблем, что решает академическая университетская наука⁶. Признавая возможность сосуществования разнообразных научных направлений, Вайц, тем не менее, решительно выступил «против того чтобы оправдать все возможные пути... Не все что носит наименование науки и имеет внешний облик науки может быть дей-

² Тоштендаль 2014: 3–27.

³ О литературном измерении немецкой историографии в XIX веке, см: Fulda 1996; Süßmann 2000.

⁴ Waitz 1859: 18.

⁵ Lütteken, Brakensiek 2005: 1021.

⁶ Waitz 1859: 18.

ствительно к ней причислено». Поэтому, одной из важнейших задач журнала, должна быть открытая, решительная и беспощадная борьба с разнообразными «болезненными и пагубными» направлениями. При этом Вайц, не ограничивает себя в допустимых средствах борьбы с теми, кого он назвал «дилетантами», предлагая новому журналу «ударить мечом», «выполоть сорняки», использовать «огонь»⁷. Бросается в глаза, что текст немецкого историка, выполненный в форме обращения к главному редактору, был опубликован в первом номере только что основанного журнала, вслед за статьей В. Гизебрехта о современном состоянии немецкой исторической науки⁸. С первых дней существования редакция нового печатного органа очертила поле своих интересов, пытаясь установить осязаемые границы допустимого в историографии, которыми не могли пренебрегать ни профессионалы, ни дилетанты.

В действительности, граница между специалистами и «полуобразованными» (*Halbkundigen*)⁹, о которых говорил Вайц, была довольно размытой, и определялась в первую очередь формальными требованиями – наличие или отсутствие профессионального университетского образования. С этого момента учителей школ и гимназий, архивариусов, библиотекарей, музейщиков, а также писателей – всех тех, кто взял на себя, в момент становления современной исторической науки, миссию формирования положительного отношения общества к новой дисциплине – стали рассматривать как «полузнатоков», «дилетантов» и врагов истории. А вместе с ними из исторической теории фактически были вытеснены эвристика и топика, невзирая на то, что в основополагающем для эпохи профессионализации труде Дройзена «Историка» им отведено существенное место¹⁰.

Уже в XIX в. возникло своеобразное разделение труда, при котором дилетантам позволялось рассматривать такие области прошлого, которыми пренебрегали академические исследователи, например повседневная жизнь «маленьких людей» и личная жизнь «больших», т.е. все то, что не подтверждено источниками. Субъективный исторический опыт, сфера повседневности, эмоциональная сторона человеческого поведения воспринимались историками как второстепенные, ведь все это не влияло на суть глобальных исторических процессов. Основой такой «дилетантской» формы познания прошлого являлась интуиция – совершенно особый акт индивидуального видения, своеобразное искусство целостного восприятия, которому невозможно научить в университетских аудиториях. Наука же рассматривалась как рациональное занятие, основанное на общенаучных методах и предполагающее все более усиливающуюся специализацию. Было выработано общее мнение – занятие исторической наукой состоит в том, чтобы реконструировать историю

⁷ Ibid: 19.

⁸ Giesebrecht 1859.

⁹ Waitz 1859: 21.

¹⁰ Дройзен 2004.

как на индивидуальный процесс, выходящий за рамки чисто «личного». При этом, данная позиция характеризовала как представителей немецкого идеалистического историзма XIX века, так и его критиков из числа сторонников «исторической социальной науки» конца XX в. Вне зависимости от теоретико-методологических пристрастий, профессиональные историки признавали необходимость высоких барьеров доступа к занятиям историей, оберегая свое монопольное право в этом вопросе.

Аналогичная ситуация сложилась и на уровне репрезентации. По тем же причинам, что и в случае с методологией, академическая историография стремилась отличить себя демонстративной респектабельностью от конкурентов, пишущих на темы прошлого. И если в домодерную эпоху не существовало четкого разделения между историей и литературой, то вместе с приобретением статуса науки, историкам пришлось пожертвовать многим из того, что составляло суть *Ars Historica*. Сознательно сухое, подчас «скучное» повествование стало синонимом академичности и профессионализма. Несмотря на отдельные исключения, историки не признавали за художественным стилем изложения самостоятельного значения, пренебрежительно воспринимая процесс письма лишь как поверхностную «шлифовку», не имеющую отношения к сути научного творчества – занятия в чьи задачи входит не излагать, а объяснять в соответствии с правилами формальной логики¹¹.

Со временем, данное разделение усиливалось, и историки все дальше отходили от литературы, забывая обстоятельства своего происхождения. Сделав очень много для попадания в число университетских, признанных государством, дисциплин, историкам пришлось очень многим пожертвовать, и прежде всего интересами массового читателя. Полученный статус приходилось оберегать, чутко реагируя на любые попытки подорвать монопольное положение на рынке прошлого и нервничать каждый раз когда кто-то пытался усомниться в нем.

В начале XX в. появились новые угрозы и как следствие новые пространства размежевания, на этот раз вместе с нарождающимися социальными науками, с одной стороны, и популярной историографией, с другой. По всей видимости, обострение традиционного противостояния профессионалов и непрофессионалов является характерным признаком наличия кризисных явлений в самой исторической науке. Стремление профессионального сообщества как можно точнее установить «границы истории» говорит об усиливающемся среди историков чувстве неуверенности и тревоги, прежде всего, за собственный статус «учителей нации». Университетские профессора неустанно заботились о своем академическом габитусе, позволявшем им выступать в роли единственных экспертов в событиях прошлого, знание которых востребовано государством. Отвечая на вызовы конкурентов, академическая историческая наука реагировала, используя хорошо описанную стратегию внеш-

¹¹ Подробнее см.: Мегилл 2007: 199–254.

него и внутреннего «замыкания», аналогичную той, что придерживались ремесленные цеха в позднесредневековой Европе. Данная стратегия касалась не только процедуры пополнения и функционирования профессионального сообщества историков, но и требовала от профессионалов противодействия массовой исторической культуре, формируемой популярной историографией. Постоянная апелляция к истине и собственной «аполитичности» возвышала их над мирскими проблемами и давала эксклюзивное право наделять актуальные политические события смыслом, формируя с помощью исторических аргументов желаемый облик нации. По их мнению, подобное право мог получить только тот, кто с честью прошел все необходимые этапы профессиональной социализации и, выдержав испытания, доказал приверженность духовным идеалам «мирской аскезы». Только тот, кто возвысился над частными материальными интересами, может говорить от имени немецкой нации.

Немецкие историки видели залог успеха в борьбе за высокий статус и ресурсы в демонстрации единства, что обеспечивалось беспрекословным соблюдением корпоративных норм каждым членом профессионального сообщества – цеха историков. Это проявилось в повсеместной практике «выдавливания» из профессии политических оппонентов и представителей религиозных меньшинств, в первую очередь католиков, евреев и социал-демократов¹². Сознательная ориентация на внутрицеховое единство, проявлялась в постоянной демонстрации собственной сплоченности, в т.ч. идейно-теоретической, и маргинализации тех, кто угрожал внутренней идиллии и спокойствию. Такие разные историки первой трети XX в. как Г. фон Белов, Д. Шефер, Г. Онкен, Ф. Мейнеке, Г. Дельбрюк, невзирая на принципиальные политические разногласия, сообща трудились над формированием имиджа «сплоченного» сообщества профессионалов, противостоящего массовой исторической культуре. По словам Мейнеке, существование «корпоративного единства» профессиональных историков стало возможным благодаря «идентичному научному воспитанию и общим великим традициям»¹³.

Но становление общества Модерна, стремительно ускорившееся после 1871 г., изменило восприятие публичной политики, а вместе с ним и положение университетского сословия в обществе. Распространение средств массовой информации, формирование литературного рынка, распространение грамотности – все это уничтожило те преимущества академической известности и репутации, которыми обладали люди науки в традиционном мире. На публичную арену вышли новые действующие лица – партийные лидеры, журналисты, публичные интеллектуалы, писатели – все те, для кого чуткая ориентация на запросы масс и их удовлетворение превратились в профессиональную деятельность. В период с 1882 по 1892 г. число профессиональных писателей и журнали-

¹² Raphael 1990: 359.

¹³ Meinecke 1908: 3.

стов в Германской империи выросло более чем на 50% и составило около 5000 чел.¹⁴ Благодаря динамичному развитию издательского рынка, беллетристы, пишущие на исторические темы, значительно увеличили свое влияние и серьезно потеснили академических историков в конкуренции за внимание читающей аудитории.

По мнению Вольфганга Хардтвига, беллетристике лучше, чем профессиональной историографии, удастся затронуть уровни личной памяти и, таким образом, реализовать претензию на более аутентичное, гуманное и критическое по отношению к власти повествование¹⁵. Беллетрист подкупает читателя возможностью сопричастности. Описывая мелкие детали повседневности: погода, местность, эмоции – он создает иллюзию реального присутствия, вызывая тем самым эффект узнавания. Принципиального для историзма «остранения» прошлого не происходит. Оно больше не является чужим и далеким, напротив, в сочинениях беллетристов утверждается его значимость для настоящего, для каждого читателя. Прошлое больше не пугает – вместе с современностью оно образует неразрывный тандем, участвуя в наделении настоящего смыслом. Однолинейная повествовательная конструкция беллетристов, предложенные ими образцы интерпретации исторических связей были весьма доступны и не требовали особых интеллектуальных усилий. Любой читатель с легкостью поймет мотивы действий Цезаря, Наполеона или Бисмарка, ведь он поступил бы так же!

При этом популярные писатели с особой виртуозностью используют приемы репрезентаций, прежде присущие научной историографии. В погоне за «точностью» – неотъемлемым атрибутом науки – историки, по словам Э. Трельча, исследовали «все более мелкие и безразличные предметы, чтобы с помощью верного, равного естественным наукам метода получить строгое знание, собственно науку»¹⁶. Это привело к невиданной прежде специализации, как следствие, к потере целостного видения истории. Все тот же Трельч в своей великой книге писал: «Специальная историческая наука в Германии отвернулась начиная с 50-х годов от великой, всеохватывающей исторической картины мира, которая еще стояла перед духовным взором Ранке, и отчасти разделила историю на специальные науки, изучающие различные регионы и периоды»¹⁷. В результате синтеза становятся все реже и реже в руках историков и попадают в руки дилетантов. На рубеже веков немецкие историки не замечали всей грандиозности проблемы и не реагировали на вызовы таких одиночек как Х.С. Чемберлен и Ю. Лангбен, даже несмотря на их презрительное отношение к профессиональной науке и декларируемый отказ от исторической правды. События Ноябрьской революции 1918 года и установление нового демократического Веймарского государства за-

¹⁴ Hübinger 2000: 30–44.

¹⁵ Hardtwig 2002: 99–123.

¹⁶ Troeltsch 1922: 578.

¹⁷ Трельч 1994: 12.

ставили их осознать масштаб опасности и обратиться против угрозы в лице авторов популярных исторических сочинений и прежде всего исторических биографий.

Одним из самых востребованных немецких писателей Веймарской республики был Эмиль Людвиг (1881–1948), сыгравший важную роль в формировании исторических представлений немецкого общества первой трети XX в. Даже непримиримые критики из лагеря националистов признавали Людвигу, наряду с Т. Манном, К. Майем, Р. Герцогом и Э. Уоллесом, самым популярным писателем Германии своего времени¹⁸. К 1931 г. общий тираж книг Людвигу, в т.ч. переведенных на иностранные языки, составлял 1 млн. 809 тыс. экз. И если за границей самой популярной была биография Наполеона, переводы которой более чем втрое превосходили немецкое издание: 636 000 к 189 000 соответственно; то немецкие читатели предпочитали сюжеты, посвященные событиям национальной истории: книги «Вильгельм II» и «Июль 14» проданы количеством в 200 тыс. и 140 тыс. экземпляров, соответственно¹⁹. Именно вокруг фигуры немецкого писателя развернулся спор, участием в котором отметились не только многие выдающиеся немецкие историки, но и признанные веймарские интеллектуалы: Курт Тухольский, Зигфрид Кракауэр, Карл фон Осецкий и др.

Эмиль Людвиг родился во Вроцлаве в семье еврейского врача-офтальмолога Германа Кона²⁰. Будучи сторонником идей научного прогресса, отец будущего писателя, стремился к практическому улучшению мира с помощью медицины. Благодаря контактам отца ребенок познакомился со многими представителями науки Германии конца XIX в., в т.ч. Р. Вирховым и Р. Кохом. Пытаясь защитить своих детей от антисемитских нападок, Герман Кон добился высочайшего императорского позволения сменить фамилию своих детей на Людвиг. Это, впрочем, помогло не сильно – в антисемитских кругах постоянно подчеркивали еврейское происхождение писателя, называя его Эмиль Кон (Людвиг). Мать будущего писателя была сестрой крупного еврейского угольного магната, в фирме которого Людвиг работал недолгое время после получения юридического образования. В августе 1914 года вместе с другими представителями немецкого бюргерства Э. Людвиг приветствует начавшуюся войну. Но из-за своей крайней близорукости он не был призван в армию, а работал корреспондентом сначала в Вене, а затем в Афинах и Константинополе. Однако уже в ходе войны будущий писатель изменил свое отношение к мировому конфликту, превратившись в пацифиста и резкого критика политической системы империи.

После революции, Людвиг, несмотря на республиканские взгляды, знакомство со многими немецкими политиками-демократами, активное

¹⁸ Hansen 1930: 9.

¹⁹ Waas 1931: 177.

²⁰ Ludwig 1931.

участие в продвижении нового образа миролюбивой Германии, покинул родину и проживал в Швейцарии на озере Лаго-Маджоре. Слава писателя вышла далеко за пределы Центральной Европы, а небывалый успех и популярность среди читателей обеспечили Людвигу внимание политических лидеров многих стран мира. В декабре 1931 года он взял интервью у Сталина, а уже в марте-апреле 1932 года – у писателя состоялось 18 бесед с Муссолини.

Нападки на писателя со стороны националистических и антисемитских кругов Германии начались еще до прихода Гитлера к власти. Его имя обсуждалось не только в газетных и журнальных публикациях, но и в кабинетах немецких посольств, а также на заседаниях немецкого Рейхстага. В декабре 1928 года немецкий посол в Копенгагене Ульрих фон Хассель демонстративно отказался присутствовать на лекции Людвига. На следующий год посол в Риме, будущий министр иностранных дел в кабинете Гитлера барон фон Нейрат проигнорировал приезд Людвига, получившего аудиенцию у итальянского короля, Папы Римского и Муссолини²¹. Недостойное поведение германского посла стало поводом для разбирательств в Рейхстаге. Учитывая, что Людвиг являлся одним из самых популярных немецких авторов в мире, министр иностранных дел Густав Штресеман назвал его «представителем немецкого духа», осудив при этом поступок фон Нейрата как недопустимый. Это заявление министра вызвало недовольство национал-социалистов, которые на заседании Рейхстага 24 июня 1929 года выступили с откровенными антисемитскими выпадами в адрес министра и поддерживаемого им писателя. Стенограмма парламентских слушаний сообщает, что депутат от НСДАП граф фон Ревентлов назвал Э. Людвига «литературным массовым фабрикантом», который «сбывает по дешевке немецких деятелей больших, средних и малых и делает на этом огромный денежный гешефт для себя – тем лучше для еврея! Мы же напротив, хотели бы назвать господина министра иностранных дел доктора Штресемана представителем еврейского духа, [возбуждение] хотя только усыновленным, но тем лучше. [Очень хорошо! У национал-социалистов]». В завершении, нацистский депутат и вовсе обвинил министра в бесплатной рекламе сочинений Людвига, заявив, что Штресеман танцует перед писателем «как Давид перед ковчегом Завета. [Большое веселье]»²².

Практически сразу же после установления в Германии власти Гитлера, Э. Людвиг был объявлен антинемецким писателем и врагом режима. Его книги были запрещены к продаже и изъяты из библиотек, а 10 мая 1933 года его имя вместе с именами Фрейда, Маркса, Манна, звучало на печально известной акции по сожжению книг²³. К счастью Людвиг избежал трагической участи – еще в 1932 г. он принял гражданство Швейцарии. Через восемь лет, по просьбе швейцарского пра-

²¹ Schieder 2013: 71–85.

²² 94. Sitzung, 24. Juni 1929: 2859.

²³ Die Bücherverbrennung 1983.

вительства, опасавшегося политических последствий из-за слишком резкой антигерманской риторики писателя, Людвиг был вынужден переехать в США. После окончания Второй мировой войны, писатель-эмигрант занял одну из самых радикальных позиций в отношении своей поверженной родины. Его заявления о необходимости сурового обращения с немцами и требования коренного перевоспитания бывших соотечественников вызвали недовольство не только новых властей страны, но и многих известных эмигрантов. В Германию он так и не вернулся, закончив жизнь в доме на озере Лаго-Маджоре.

Литературную деятельность Э. Людвиг начал довольно рано, еще до мировой войны опубликовав небольшие стихи, фельетоны, пьесы, а также исторические драмы. Но первый настоящий успех и мировое признание пришли вместе с биографией Гете, вышедшей в 1920 г. Уже здесь Людвиг представил собственный историко-биографический «метод», которому был верен всю жизнь. Его суть состояла в развенчании «мифов», сформировавшихся вокруг реальных исторических персонажей, и «нормализации» их биографий. Сосредотачиваясь прежде всего на описании психологии своих героев, характеризуя не только светлые, но и темные стороны личности, Людвиг старался придать им более «человечный» облик. Уже название книги о Гете – культурном герое немецкой нации – должно было предопределить дальнейшее восприятие жизни великого классика: «Гете. История человека»²⁴. А вот как Людвиг объясняет замысел книги о Наполеоне: «Постоянно вглядываться во внутренний мир этого человека, объяснять его поступки и страдания, его фантазии и расчеты, следить за чередой его чувств – было моей целью»²⁵. Схожими мотивами он руководствовался, обращаясь к «психологии» Бисмарка: «создать портрет побеждающего и заблуждающегося борца. Бисмарк дан здесь как характер, исполненный гордости, мужества и ненависти, – ими продиктованы все его поступки»²⁶.

Этот «психологический метод» был не только удобным способом организации и репрезентации биографического материала. Внутрличностное напряжение, заставлявшее людей манихейским образом выбирать между добром и злом в своей душе, являлось для Людвига главной движущей силой в истории. Как подавляющее большинство современных ему историков, он совершенно пренебрегал социально-экономическими условиями исторического процесса, но в отличие от них, полностью игнорировал идейную сторону жизни, сводя политическую борьбу к психологии отдельных личностей. За таким довольно наивным теоретико-методологическим подходом скрывалась ясная просветительская цель. В работе «Гений и характер» Людвиг так формулирует общую

²⁴ Ludwig 1920. К сожалению, в русском издании этот подзаголовок отсутствует, что затрудняет понимание общего замысла автора, см.: Людвиг 1965.

²⁵ Людвиг 1998: 575–576.

²⁶ Людвиг 1999: 7. Русский перевод названия книги, также упускает весьма симптоматичный подзаголовок, присутствующий в немецком издании, см.: Ludwig 1926.

направленность своих сочинений: «Наша образовательная цель состоит в том, чтобы показать всем читателям, и особенно молодежи, что великие люди – не боги, что они подвержены тем же человеческим страстям, испытывали угнетение и на их пути встречались препятствия, как и у всех других смертных, и что они боролись за свои идеалы. Таким образом, человека необходимо побудить свести к минимуму все недостатки и потребовать от себя максимально полного применения своих сил»²⁷.

Немецкий писатель создал биографии самых разных персонажей: исторических деятелей прошлого (Христос, Бисмарк, Линкольн); современных политиков (Вильгельм II, король Эдуард VIII, Сталин, Муссолини); ученых и художников (Рембрандт, Микеланджело, Эдисон, Шлиман). Но несмотря на данное разнообразие героев, во всех его произведениях присутствует один и тот же неизменный биографический канон, от которого он практически не отступал. Во многом, благодаря именно этому канону немецкий писатель нашел дорогу к читателям послевоенной Европы, прежде всего, выходцам из буржуазной среды и в гораздо меньшей степени рабочей. По данным библиотечной статистики в Германии в 1931 г. среди читателей Людвиг бесспорно лидировали представители буржуазии, на долю которых приходилось около 76%, количество читателей-рабочих оценивалась в 20%. Но что самое примечательное – доля молодых читателей, родившихся после 1914 г., составляла всего 7%²⁸. Таким образом, предпочтение его книгам отдавали представители довоенного поколения, более других пострадавшие в результате кризиса общества Модерна и краха гуманистической идеи единства и автономии уникальной личности. Обращение к биографиям выдающихся деятелей прошлого стало своего рода терапией для тех, кто пережил крах «золотого века надежности» (С. Цвейг), а произведения Людвиг выступали в качестве исцеляющего средства.

Вне всякого сомнения, именно война и ее катастрофические последствия способствовали колоссальному росту популярности биографического жанра во всем мире. Мода на биографии захватила в свой водоворот множество авторов, писавших практически на всех европейских языках: англичанин Литтон Стрейчи, австриец Стефан Цвейг, француз Андре Моруа. В Германии ситуация усугублялась крахом имперского государства и установлением новой республики. Иронизируя над биографическим безумием, охватившим литературный мир, известный немецкий социолог Зигфрид Кракауэр утверждал, что для объяснения этого явления необходимо искать «немодные причины в событиях мировой истории за последние полтора десятилетия»²⁹. Историческая биография попала в поле зрения Кракауэра наряду с кино и детективной литературой в качестве наиболее востребованного жанра массовой культуры послевоенных лет. По его словам, «нельзя не признать,

²⁷ Ludwig 1927: 8–9.

²⁸ Waas 1931: 183.

²⁹ Кракауэр 2019: 59.

что мировая война с ее последствиями, политическими и общественными изменениями, а также не в последнюю очередь новые технические открытия всколыхнули и сломали будничную жизнь так называемых культурных народов». Но нужно учитывать, что все признаки грядущей катастрофы были налицо еще на рубеже веков, а сама война являлась не столько триггером кризиса, сколько ее самым масштабным проявлением. Поэтому причины популярности исторической биографии не в войне – они лежат несколько глубже. По мнению немецкого социолога, биография в качестве формы новобуржуазной литературы является свидетельством «бегства» или «уклонения» современной буржуазии от проблем современности, ее нежелания признавать новую онтологическую реальность. Это форма инвентаризации всего, что осталось от ее былого величия. Подобно эмигранту, который «собирает свои пожитки, буржуазная литература собирает предметы домашнего обихода, которые скоро лишатся старого жилища»³⁰. В условиях усиливающейся непрозрачности мира, где доминируют коллективные и анонимные социально-экономические силы, традиционные представления об исторически могущественном индивиде и рационально управляемом ходе истории все больше и больше утрачивали доверие. В таком случае, популярность жанра исторической биографии среди представителей буржуазной среды стала ответной реакцией на формирование современного массового общества.

Но Кракауэр отметил еще один момент, способствовавший росту популярности биографии в новых условиях – кризис классической формы романа. Вне всякого сомнения, роман переживал кризис вместе со своим главным потребителем – буржуа, утратив традиционные для него стабилизирующие и компенсаторные функции. В новых условиях, историческая биография превратилась в главного конкурента традиционного романа. Даже если не в социальной реальности, а только на страницах биографических произведений, ход истории снова стал предсказуемым, а потерянные обществом системы координат – восстановлены. Перефразируя название нашумевшей работы Теодора Лессинга, можно констатировать, что историческая биография после мировой войны стала способом придания смысла бессмысленному³¹. С помощью присущих исторической биографии нарративных стратегий репрезентации, в новый обезличенный мир массового общества возвращалась осмысленность, а вместе с ней и бывшая власть человека над ним. По всей видимости, Кракауэр еще в 1920-е гг. обратил внимание на те особенности биографического жанра, которые Пьер Бурдьё через несколько десятилетий назовет «биографической иллюзией», поставив под сомнение саму возможность биографии в качестве историографической формы³².

³⁰ Там же: 62.

³¹ Lessing 1919.

³² Бурдьё 2002: 75–84.

Таким образом, для опустошенного войной и революцией мира форма исторической биографии явилась возвращением и кристаллизацией былого господства над временем. Это сделало принципы биографического повествования универсальными, а биологические процессы – рождение, старение, смерть – адекватными понятиями, в т.ч. для описания социального организма. С этой позиции О. Шпенглер осмыслил характер минувшей войны, которая, по его словам, не была набором случайных фактов, а представляла собой *«тип исторического стыка времен, занимавшего биографически предопределенное в ходе столетий место в точно установленных границах большого исторического организма»*³³. При этом, как ни странно, принципы биографического повествования ставили под сомнение основные принципы историзма: индивидуализм и развитие. Личные судьбы людей, в т.ч. столь любимых Людвигом гениев определялись их психологическими чертами, заложенными от рождения и потому неизменными. Траекторию их жизни задавали не внешние изменяемые обстоятельства и социальное окружение, а константный набор личностных качеств. В гениях его интересовали не индивидуальные особенности, а типические черты их характеров. Ориентация беллетристов на вечные, природные и потому понятные большинству принципы бытия, несомненно, была проявлением антиисторической революции и связанным с ней кризисом исторического сознания³⁴.

Но далеко не у всех данная антиисторическая оптика встретила понимание и одобрение. В то время как массовый читатель был готов следовать нарративной логике авторов историко-биографических произведений, профессиональные историки выступили категорически против распространения биологических аналогий на мир человеческой истории. И если раньше университетские профессора-историки пренебрежительно смотрели на увлечение биографическим жанром, не принимая всерьез творчество популярных дилетантов, то в новых социально-политических условиях претензии любительской историографии на особую миссию и стремительный рост популярности их произведений стали ощущаться как угроза. Произведения Людвига и других популярных авторов практически сразу же становились объектами рецензий ведущих немецких и мировых изданий. Первые отклики профессиональных историков были довольно благожелательными, отмечали наглядный и живой характер произведений Людвига, его несомненное знакомство с источниками и умение вплести их содержание в блистательно выстроенное повествование³⁵. Молодому историку Вайту Валентину даже пришлось оправдываться перед коллегами за то, что он внес одну из книг Людвига в список литературы своей биографии Бисмарка³⁶. Кроме того,

³³ Шпенглер 1998: 184–185.

³⁴ Об антиисторической революции, прежде всего в немецкой теологии подробнее см.: Nowak 1987: 133–171; Graf F.W. 1997: 217–244.

³⁵ Emil Ludwig im Urteil 1928: 15.

³⁶ Valentin V. 1925: 947–948.

«Исторический журнал» – центральный орган немецких историков, – оперативно реагировал на публикацию сочинений Людвиг. В 1926 г. один из самых уважаемых немецких историков Ганс Дельбрюк посвятил свою рецензию биографии Вильгельма II, изданной в том же году.

Но в 1928 г. редакция «Исторического журнала» пошла на беспрецедентный шаг – отдельным изданием были выпущены ранее опубликованные рецензии на исторические сочинения Людвиг и других популярных беллетристов Германии. В дальнейшем этот сборник рецензий под общим названием «Историческая беллетристика» неоднократно переиздавался³⁷. Общая критическая направленность и уничижительный тон рецензий были настолько очевидны, что известный публицист, будущий лауреат Нобелевской премии К. фон Осецкий констатировал: «Историки серьезно разошлись»³⁸. Примечательно, что автором вводной статьи и редактором сборника выступил известный своими консервативными взглядами историк Вильгельм Шюсслер, а не главный редактор журнала республиканец Ф. Мейнеке. Именно редактор придал изданию общую консервативно-оборонительную направленность.

Нужно признать, что сами авторы популярных сочинений дали много поводов для обвинений. Найти фактические ошибки в их сочинениях не составляло труда. Пожалуй, наибольшее рвение в этом вопросе проявил Г. Дельбрюк, посвятив ему значительную часть своей рецензии. «Я не хочу дальше продолжать список этих случайно попавшихся свидетелей невежества автора. Приведенного уже достаточно. После этого нет необходимости спорить с суждениями писателя, который даже не знает фактов, о которых он пишет»³⁹. Критика затрагивала и методологические недочеты беллетристов. Вне зависимости от своих политических пристрастий, критики сходились во мнении, что данные произведения не соответствуют традиционному для историографии жанру исторической биографии. Профессиональные историки ни в коем случае не ставили под сомнение биографию как форму историографической репрезентации. Они только считали недопустимым превращение биографии в апофеоз великих личностей, увлечение их психологией и игнорирование историко-политического контекста, обязательного для понимания поступков данных исторических деятелей. Так, например, В. Моммсен в своей рецензии на книгу Людвиг о Бисмарке замечает, что, несмотря на хорошее знакомство автора с высказываниями немецкого канцлера и его современников, он совершенно лишен представлений об общем политическом контексте, в котором Бисмарк рос и действовал⁴⁰. Аналогичным образом высказывался и Генрих фон Србик применительно к пониманию Наполеона. По его словам, такой «человек действия» (Tatenmensch), не может быть адекватно понят без учета его «постоян-

³⁷ Historische Belletristik 1929.

³⁸ Ossietzky 1928: 877–879.

³⁹ Delbrück 1929: 43.

⁴⁰ Mommsen 1929: 35.

ного живого переплетения со своей эпохой, с ее отдельными событиями, которые он создает и которые в свою очередь воздействуют на его мышление, чувства и волю в каждый меняющийся момент»⁴¹.

В то же время историки признавали, что несмотря на явные недостатки, позволяющие аттестовать рецензированные работы не иначе как «халтура» (Machwerk), они пользовались колоссальной популярностью. Особенно эмоционально об этом высказался Шюслер: «Старые генералы за столами завсегдаев (Stammtisch), литераторы в кафе, объединения подружек всех возрастов, бизнесмены и академики – в восторге. Наконец-то появилось то, что давно искали: читабельные (lesbare) исторические произведения. Утомительно? Да нет же! И это главное! У кого сегодня есть время и силы на серьезное чтение? Как скорость машин, так и скорость духовного восприятия растет. Люди избалованы кино. Думать обременительно, рефлексировать – это отнимает время»⁴². Но, как заметили наиболее проницательные современники, менее всего историки готовы были винить себя в таком положении. К. фон Осецкий отметил: историки «сами виноваты» в том, что «дилетанты проникли в священные сферы». Рассмотрев список последних публикаций «Исторического журнала», он к своему удивлению не обнаружил в нем статей хоть как-то связанных с современной историей Германии, и это позволило ему саркастически заметить: «ученые господа еще не достигли настоящего. Когда они наконец коснутся Германской республики, легкомысленные беллетристы наверняка обратят внимание на Вильгельма Одиннадцатого»⁴³. Пожалуй, только В. Моммзен нашел мужество высказаться о проблемах профессиональной историографии. В отличие от коллег, он не стал сваливать вину на «всеядного читателя» и эффективную писательскую технику беллетристов, заимствованную из кинематографа. Заявив, что «внешний успех еще не является масштабом внутренней ценности»⁴⁴, он тем не менее признал, что успех «литературы а ля Людвиг» связан с ее проникновением в «существующую брешь»⁴⁵. Он во многом солидаризируется с фон Осецки: «широкие круги нашего народа ожидают от историографии того, чего не находят у нее, и поэтому ищут замену в суррогатах (Surrogaten)...»⁴⁶. По его мнению, современные историки в отличие от своих предшественников утратили «тесную связь между исторической наукой и современной политической жизнью». Как и в XIX в. историография «должна быть больше, чем специализированная наука, она должна выполнять национальную функцию».

Необходимо признать, что если после 1918 г. среди немецких историков призывы к пересмотру основ исторического ремесла встреча-

⁴¹ Srbik 1929: 11.

⁴² Schüßler 1929: 6.

⁴³ Ossietzky 1928: 878.

⁴⁴ Mommsen 1930: 7.

⁴⁵ Ibid: 17.

⁴⁶ Ibid: 18.

лись довольно часто, то к началу 1930-х стали не просто редкими, а воспринимались как посягательство на нормы профессии. Залогом своего успешного существования в новых демократических условиях немецкие историки считали сохранение верности старым профессиональным нормам и ценностям. Прежний статус «воспитателей нации» можно было сохранить, лишь демонстрируя свое неприятие всего нового – как в сфере политики, так и науки. При этом новые власти не стали ниспровергать традиции замкнутого профессионального сообщества историков, фактически сохранив за ординарной профессурой монопольное положение в университетах.

Очередное противостояние с дилетантами закончилось победой профессиональной исторической корпорации. Термин «историческая беллетристика» вошел в словари с исключительно негативными коннотациями, приобретенными в данном споре⁴⁷. В дальнейшем никто из историков не осмеливался высказываться об уместности популярной исторической литературы. Возобладал заданный «Историческим журналом» критический тон. Особенно усердствовали в этом националисты всех мастей, совершенно не скрывая своих антисемитских мотивов⁴⁸. Но даже такой демократический автор как Э. Кер в статье «Новый Плутарх» был вынужден признать, что «история не есть *vita intima* действующих лиц, она есть коллективное событие»⁴⁹.

Сегодня представляется, что данная победа профессионального сообщества историков являлась пирровой. Показательная демонстрация единства лишь способствовала исчезновению пространства для дискуссий – неотъемлемой части историографии. Маргинализация всех несогласных, как внутри, так и вне исторического цеха, в конечном итоге обрекла немецкую науку на провинциализацию. Ориентированная на единство стратегия привела к теоретико-методологическому упрощению и выдавливанию всех тех вариантов историографии, что угрожали традиционному и понятному профилю науки, делая немецкую историческую науку пленницей устаревших подходов. При всех недостатках исторической беллетристики диалог с ней вполне мог напомнить историкам об их прежнем статусе *Ars Historica* и вернуть в их репертуар традиционные для историографии литературные приемы, демонстрируя вместе с этим свою способность к переменам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Буллер А., Линченко А.А. Медиа и история: дискурс исторической ответственности в изменяющемся мире // Диалог со временем. 2021. Вып. 77. С. 61–77. [Buller A., Linchenko A.A. Media i istoria: discours istoricheskoy otvetstvennosti d izmenyayushemcya mire // Dialog so vremenem. 2020. Vyp. 70. S. 23–40].
- Дройзен И.Г. Историка. Лекции об энциклопедии и методологии истории. СПб.: Владимир Даль, 2004. [Droyzen I.G. Istorika. Lekcii o enciklopedii i metodologii istorii. SPb: Vladimir Dal', 2004].

⁴⁷ Der Große Brockhaus 1931: 536.

⁴⁸ Westphal 1930.

⁴⁹ Kehr 1970: 269–278.

- Кракауэр З. Биография как форма искусства новой буржуазии // Кракауэр З. Орнамент массы. М.: Ад Маргинем Пресс, Музей современного искусства «Гараж», 2019. С. 59–62. [Krakauer S. Biografiya kak forma iskusstva novoj burzuasii // Krakauer S. Ornament massy. M.: Ad Marginem Press, Muzej sovremennogo iskusstva “Garaz”, 2019. S. 59–62].
- Людвиг Э. Гёте. М.: Молодая гвардия, 1965 [Lyudvig E. Goete. M.: Molodya gvardiya, 1965].
- Людвиг Э. Наполеон. М.: Захаров, Вагриус, 1998. [Lyudvig E. Napoleon. M.: Zakharov, Vagrius, 1998].
- Людвиг Э. Бисмарк. М.: Захаров, АСТ, 1999. [Lyudvig E. M.: Zakharov, AST, 1999].
- Мегилл А. Историческая эпистемология. М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. [Megill A. Istoricheskaja epistemologija. M.: «Kanon+», ROOI «Reabilitazija», 2007].
- Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. [Toshtendal R. Professionalism istorika i istoricheskoe znanie. M.: Novyj Hronograf, 2014].
- Трельх Э. Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. [Trel'ch. E. Istorizm i ego problem. M.: Yurist, 1994].
- Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Гештальт и действительность. М.: Мысль, 1998. [Shpengler O. Zakat Evropy. Oчерki morfologii mirovoj istorii. T. 1. Geshtalt i dejstvitel'nost', 1998].
- Delbrück H. Wilhelm der Zweite. Von Emil Ludwig // Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 37–43.
- Der Große Brockhaus. Bd. 8. Leipzig, 1931. S. 536.
- Emil Ludwig im Urteil der deutschen Presse. Berlin: E. Rowohlt, 1928.
- Fulda D. Wissenschaft aus Kunst. Die Entstehung der modernen deutschen Geschichtsschreibung 1760–1860. Berlin, New York: de Gruyter, 1996.
- Giesebrecht W. Die Entwicklung der modernen deutschen Geschichtswissenschaft. Habilitationsrede gehalten zu Königsberg am 19. April 1858 // Historische Zeitschrift. Bd. 1. 1859. S. 1–17.
- Graf F.W. Geschichte durch Übergeschichte überwinden. Antihistoristisches Geschichtsdenken in der protestantischen Theologie der 1920er Jahre // Geschichtsdiskurs. Bd. 4: Krisenbewußtsein, Katastrophenerfahrungen und Innovationen 1880–1945 / Hrsg. von W. Küttler, J. Rösen, E. Schulin. Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch, 1997. S. 217–244.
- Hansen N. Der Fall Emil Ludwig. Oldenburg i.O.: Stalling, 1930.
- Hardtwig W. Fiktive Zeitgeschichte? Literarische Erzählung, Geschichtswissenschaft und Erinnerungskultur in Deutschland // Verletztes Gedächtnis. Erinnerungskultur und Zeitgeschichte im Konflikt / Hrsg. von K.H. Jarausch, M. Sabrow. Frankfurt am Main: Campus, 2002. S. 99–123.
- Hübinger G. Die politischen Rollen europäischer Intellektueller im 20. Jahrhundert // Kritik und Mandat. Intellektuelle in der deutschen Politik / Hrsg. von G. Hübinger, Th. Hertfelder. Stuttgart: Deutscher Verlags-Anstalt, 2000. S. 30–44.
- Kehr E. Der neue Plutarch. Die »historische Belletristik«, die Universität und die Demokratie // Kehr E. Der Primat der Innenpolitik. Gesammelte Aufsätze zur preußisch-deutschen Sozialgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. u. eingel. von Hans-Ulrich Wehler mit einem Vorw. von Hans Herzfeld. 2. Aufl. Berlin: de Gruyter, 1970. S. 269–278.
- Ludwig E. Goethe. Geschichte eines Menschen. Bd. 1-3. Stuttgart, Berlin: Gotta, 1920.
- Ludwig E. Bismarck. Geschichte eines Kämpfers. Berlin: E. Rowohlt, 1926.
- Ludwig E. Genius and character / Transl. by Kenneth Burke. New York: Harcourt, Brace and Company, 1927.
- Ludwig E. Geschenke des Lebens. Ein Rückblick. Berlin: E. Rowohlt, 1931.
- Lütteken L., Brakensiek St. Dilettant // Enzyklopädie der Neuzeit. Bd. 2: Beobachtung-Dürre / Hrsg. von Fr. Jaeger. Stuttgart, Weimar, 2005. Sp. 1021–1025.
- Meinecke Fr. Geleitwort zum 100. Bande der Historischen Zeitschrift // Historische Zeitschrift. Bd. 100. 1908. S. 1–10.
- Mommsen W. «Legitime» und «Illegitime» Geschichtsschreibung. Eine Auseinandersetzung mit Emil Ludwig. München, Berlin: Oldenbourg, 1930.
- Mommsen W. Bismarck. Geschichte eines Kämpfers. Von Emil Ludwig // Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 30–37.
- Mussolinis Gespräche mit Emil Ludwig. Berlin, Wien, Leipzig: Paul Zsolnay, 1932.

- Nowak K. Die antihistoristische Revolution. Symptome und Folgen der Krise historischer Weltorientierung nach dem Ersten Weltkrieg in Deutschland // *Umstrittene Moderne: die Zukunft der Neuzeit im Urteil der Epoche Ernst Troeltschs* / Hrsg. von H. Renz, F.W. Graf. Gütersloh, 1987. S. 133–171.
- Ossietzky C. von Die Historiker sind ernstlich böse // *Die Weltbühne*. 24. 1928. S. 877–879.
- Schieder W. Mythos Mussolini. Deutsche in Audienz beim Duce. München: Oldenbourg, 2013. S. 71–85.
- Schüßler W. Zur Einleitung // *Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht* / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 5–8.
- Srbik R. von E. Ludwig, Napoleon. W. Hegemann, Napoleon oder Kniefall vor dem Heroes // *Historische Belletristik. Ein kritischer Literaturbericht* / Hrsg. von der Schriftleitung der Historischen Zeitschrift. 3. Aufl. München, Berlin: Oldenbourg, 1929. S. 9–19.
- Süßmann J. Geschichtsschreibung oder Roman? Zur Konstruktionslogik von Geschichtserzählungen zwischen Schiller und Ranke (1780–1824). Stuttgart: Steiner, 2000.
- Troeltsch E. Die Krisis des Historismus // *Die neue Rundschau*. XXXIII. 1922. S. 572–590.
- Valentin V. Wilhelm II. // *Die Weltbühne*. 21. 1925. S. 947–948.
- Waas A. «Historische Belletristik». Eine kritische Auseinandersetzung mit Emi Ludwig // *Hefte für Bücherwesen*. / Hrsg. von der Deutschen Zentralstelle für volkstümliches Bücherwesen. XV. Bd. 1931. S. 177–189.
- Waitz G. Falsche Richtungen. Schreiben an den Herausgeber von Georg Waitz // *Historische Zeitschrift*. Bd. 1. 1859. S. 17–28.
- Westphal O. Feinde Bismarcks. Geistige Grundlagen der deutschen Opposition 1848–1918. München, Berlin: Oldenbourg, 1930.
94. Sitzung, 24. Juni 1929 // *Verhandlungen des Reichstags*. IV. Wahlperiode 1928. Bd. 425. Stenographische Berichte von der 77. Sitzung am 5. Juni 1929 bis zur 98. Sitzung am 28. Juni 1929. Berlin: Druck und Verlag der Reichsdruckerei, 1929.

Хряков Александр Васильевич, кандидат исторических наук, доцент, департамент истории НИУ «Высшая школа экономики» (СПб), akhryakov@hse.ru

German Historians on Guard of the «Borders of History» a Failed Dialogue with Historical Fiction

The article is devoted to the confrontation between the professional community of German historians and one of the most popular historical fiction writers of the first half of the XX century – Emil Ludwig. It is demonstrated how the established norms of the professional community in the new historical conditions of the "crisis of historicism" predetermined the behavior of historians. A special issue of the "Historical Journal" devoted entirely to the defamation of popular historical biography and fiction writers is analyzed. The author believes that professional historians in the competition for the monopoly on the interpretation of German history missed a great chance to regain the attention of the mass reader and start a conversation about the overdue theoretical and methodological changes.

Keywords: *Emil Ludwig, "Historical Journal", historical fiction, Weimar Republic, historical community, crisis of historicism.*

Alexander Khryakov, PhD, Associate Professor, Department of History, HSE University, Saint Petersburg, akhryakov@hse.ru